

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Исторический факультет

На правах рукописи

ПОЛЕХОВ Сергей Владимирович

**Внутриполитический кризис
в Великом княжестве Литовском
в 30-е годы XV века**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации
на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре истории России до начала XIX века Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук, профессор
Флоря Борис Николаевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Хорошкевич Анна Леонидовна
(Институт славяноведения РАН)

кандидат исторических наук
Лукин Павел Владимирович
(Институт российской истории РАН)

Ведущая организация: **Санкт-Петербургский государственный университет**

Защита диссертации состоится « » декабря 2011 г. в __ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.72 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, ауд. А 419.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ломоносовский просп., д. 27.

Автореферат разослан « » _____ 2011 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

Г. Р. Наумова

1. Общая характеристика работы

Актуальность темы. В последние годы проблематика истории Великого княжества Литовского (ВКЛ) пользуется большой популярностью в тех государствах, которые возникли на его территории, – прежде всего в Литве, Белоруссии, на Украине. В историографиях этих стран заметно стремление вписать средневековую историю ВКЛ в картину «своего» прошлого, канон национальной истории. Существенное место в этих построениях занимают русские земли ВКЛ¹, составлявшие бóльшую часть его территории, в частности, проблема их взаимоотношений с государственной властью. Однако данная тема за редким исключением не становилась предметом специального рассмотрения², поэтому на страницах многих работ по истории ВКЛ население его русских земель (русины) предстаёт исключительно как объект политики этого государства, а не как её субъект. Отчасти (в особенности для периода до конца XIV в.) это объясняется состоянием источников, из которых можно извлечь лишь отрывочные и косвенные данные. В этой связи одно из ключевых мест на пути к решению этой проблемы принадлежит событиям, разыгравшимся в стране после смерти великого князя Витовта Кейстуовича (1392–1430). Новым правителем стал его двоюродный брат, князь Свидригайло Ольгердович, однако уже в 1432 г. он был свергнут с литовского престола. В том же году Свидригайло, опираясь на силы литовской Руси, начал войну за престол и контроль над всей территорией страны с новым великим князем Сигизмундом Кейстуовичем, которого возвели на престол заговорщики. Эта война окончилась победой Сигизмунда лишь в конце 1438 или начале 1439 г., но менее чем через полтора года, в апреле 1440-го, победитель сам пал жертвой

¹ Под понятием русских земель ВКЛ (литовской Руси) подразумевается территория, заселённая по преимуществу восточнославянским населением, для обозначения которого используется встречающийся в источниках этноним «русины». Эта территория, если соотносить её с современными политическими границами, охватывает Белоруссию, Украину, западную часть России и восточную часть Польши.

² Применительно к периоду второй половины XV – первой трети XVI в. эта проблема рассмотрена в кн.: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010. (1-е изд. – 1995 г.)

убийц. Литовским правящим кругам удалось посадить на престол Казимира Ягеллончика – малолетнего сына польского короля Владислава II Ягайла (1386–1434). Начало его правления было отмечено выступлениями на периферии государства – в русских землях и Жемайтии. Стабилизировать обстановку удалось лишь в первой половине 40-х гг. Все эти события разворачивались на фоне структурных изменений в жизни государства – распространения письменной культуры, перехода от государства, основанного на личных связях, к системе центральных и местных органов управления, формирования единого шляхетского сословия и «протопарламентских» институтов (великокняжеского совета / рады ВКЛ и сейма), складывания крупного землевладения. Они также осложнялись вмешательством внешних сил: в гражданскую войну в ВКЛ³ оказались вовлечены практически все крупные политические силы Восточной и Центральной Европы – Польша, Тевтонский орден, русские земли, Молдавия, чешские гуситы, венгерский и римский король (с 1433 г. – император) Сигизмунд Люксембургский.

Всё это заставляет видеть в событиях с начала 1430-х по начало 1440-х гг. политический кризис ВКЛ, т.е. перерыв, переломный момент в функционировании сложившейся системы отношений (как внутри-, так и внешнеполитических), который привёл к её модификации⁴. Одним из его проявлений была острота конфликтных ситуаций во взаимоотношениях между историческим центром государства и его периферией. От конфликтных ситуаций XV в. (отъезды князей в Великое княжество Московское во время его войны с ВКЛ 1406–1408 гг., жемайтійское восстание 1418 г., «заговор князей» против Казимира Ягеллончика 1481 г. и др.) данные события отличаются масштабы и продолжительность, а от коллизий последней четверти XIV в. – хорошее освещение в источниках разных типов и происхождения, что

³ Под гражданской войной подразумевается организованная вооружённая борьба за государственную власть между различными группировками (в данном случае – политическими), что даёт основания пользоваться этим термином применительно к войне 1432–1438 гг. в ВКЛ (*Черныш А. Я., Суровцев В. И.* Гражданская война // Большая Российская энциклопедия. Т. 7. М., 2007. С. 591).

⁴ Кризис политический // Большая Российская энциклопедия. Т. 16. М., 2010. С. 24.

позволяет задавать им больше вопросов и применять при их изучении более широкий спектр методов. Необходимость специального всестороннего изучения указанных событий диктуется ещё тремя обстоятельствами: во-первых, ранее они изучались крайне неравномерно; во-вторых, развитие литуанистики в последние десятилетия заставляет пересмотреть многие устоявшиеся представления о ВКЛ; в-третьих, имеется возможность существенно расширить источниковую базу такого исследования в сравнении с предшествующими работами.

Объектом исследования является общество ВКЛ (в первую очередь его политически активные слои), **предметом** – взаимоотношения между отдельными его группами, а также общества в целом с государственной властью и внешними силами в 30-е и начале 40-х гг. XV в. **Цель исследования** состоит в том, чтобы изучить и интерпретировать позицию, которую занимало общество ВКЛ и отдельные его группы в годы внутривнутриполитического кризиса XV в., в более широком историческом контексте социально-политического развития этого государства. Для достижения этой цели необходимо решить несколько взаимосвязанных **задач**:

1. Реконструировать ход внутривнутриполитического кризиса 30–40-х гг. XV в. в ВКЛ.
2. Дать ответ на вопрос о том, какую позицию занимали отдельные группы общества страны (социальные слои, локальные элиты, группировки знати и т. д.) на отдельных этапах кризиса.
3. Охарактеризовать мотивы, которыми они при этом руководствовались, и цели, которые они преследовали. Это подразумевает поиск ответов на вопросы: насколько долгосрочными были цели участников конфликтов – стратегическими или тактическими; в какой сфере общественной жизни находились – в политической, экономической, социальной, духовной; на каком уровне они ставились – на локальном или общегосударственном).

Хронологические рамки исследования определяются хронологией кризисных явлений в ВКЛ, прежде всего во внутренней жизни этого государства. Его отношения с соседями здесь важны постольку, поскольку они оказывали влияние на события внутри страны. Нижний хронологический рубеж продиктован датой смерти Витовта – 27 октября 1430 г., т. к. после прихода к власти Свидригайла конфронтация ВКЛ с Польшей приобрела характер откровенного разрыва унии. Верхняя хронологическая граница исследования относится к 1443–1444 гг., когда под властью великого князя Казимира Ягеллончика удалось объединить все земли ВКЛ в границах начала XV в. и добиться стабилизации отношений государственного центра с элитами отдельных регионов. Весь период, охваченный исследованием, учитывая общие для него черты и явления, правомерно характеризовать как «долгие 30-е годы XV века».

Степень научной разработанности проблемы. История ВКЛ в указанный выше период была предметом изучения нескольких национальных историографий – польской, русской, украинской, белорусской, литовской и отчасти немецкой. Началом специального изучения событий, происходивших в ВКЛ после смерти Витовта, можно считать биографию князя Свидригайла, написанную известным немецким драматургом и историком-аматором А. фон Коцебу в начале XIX в. Он впервые использовал и таким образом ввёл в научный оборот многие источники, сохранившиеся в архиве великого магистра Тевтонского ордена (Кёнигсбергском архиве), которые легли в основу дальнейших исследований.

После книги Коцебу интерес к событиям 30–40-х гг. XV в. в ВКЛ возобновился в конце XIX в. в польской, русской и украинской национальных историографиях. Наиболее обстоятельное их исследование принадлежит А. Левицкому, который объяснял широкое участие общества русских земель в гражданской войне мотивом конфессиональной розни, а поддержку, которую оно оказало Свидригайлу, – его «прорусской» политикой в 1430–1432 гг.

Однако основное внимание Левицкого было сосредоточено на международной стороне событий⁵. Объяснение Левицкого скорректировал М. К. Любавский, который отводил основное место «национально-политическому» и отчасти социальному аспекту конфликта. В его основе лежало недовольство русской знати «устранением... от высших государственных должностей и от участия в разрешении общегосударственных вопросов», зафиксированным в Городельском привилее 1413 г.⁶ Важно, что Любавский рассмотрел события 1430–1440 гг. не «сами по себе», а в более широком контексте, в том числе в связи с коллизиями начала 40-х гг., которые служили учёному подтверждением его схемы. В результате получилась схема, которая выглядела логичной и утвердилась в историографии: отстранение русских (православных) бояр и князей от власти на уровне государственного центра – консолидация элит ВКЛ в последние годы правления Витовта – возвышение русской знати при Свидригайле – его свержение литовцами – уступки русинам в привилеях 1432 и 1434 гг. – поражение Свидригайла – тираническое правление Сигизмунда Кейстутовича и его убийство – возведение на престол Казимира литовскими панями – новые вспышки недовольства в русских землях – их допуск к участию в решении общегосударственных вопросов.

Ещё одна схема объяснения внутривосточного кризиса в ВКЛ, предложенная в 1901 г. М. В. Довнар-Запольским⁷, была развита в работах украинских исследователей М. С. Грушевского и Б. Барвинского⁸. Её можно назвать «социальной»: эти учёные, если не считать некоторых нюансов,

⁵ *Lewicki A.* Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną. Kraków, 1892 [Отдельный оттиск из изд.: *Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny* (далее – RAU). Т. 29.]; *idem.* Przymierze Zygmunta w. ks. litewskiego z królem rzymskim Albrechtem II // RAU. Т. 37. Kraków, 1899.

⁶ *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1900. С. 61.

⁷ *Доўнар-Запольскі М. В.* Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. Мінск, 2009. С. 115–117 (переиздание русского текста книги с обширным научным аппаратом на белорусском языке).

⁸ *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 4. XIV – XVI віки – відносини політичні. Київ, 1993 (репринтное воспроизведение 2-го издания 1907 г.); *Барвіньский Б.* Жигимонт Кейстутович Великий князь Литовско-русский. (1432–1440). Жовква, 1905.

сходились в том, что «партия» Свидригайла была в основе своей аристократической (княжеско-боярской), а Сигизмунд Кейстутович опирался на мелкую шляхту и низшие слои населения, за что и был убит аристократами. Эти соображения, как нетрудно заметить, не объясняют факта территориального раскола государства, к тому же «демократический» характер правления Сигизмунда был опровергнут в позднейших исследованиях.

Существенный вклад в изучение внутривосточного кризиса в ВКЛ внёс О. Халецкий. Он реконструировал социально-политическую историю Волыни середины – второй половины XV в., изучил ход восстания начала 40-х гг. в Жемайтии, исследовал ранний этап истории литовских «парламентских» институтов (великокняжеского совета и сейма), ввёл в научный оборот ряд источников⁹. Но «территориально-политическое» объяснение причин и характера событий в ВКЛ после смерти Витовта, предложенное Халецким (борьба неравноправной Руси за привилегии Литвы)¹⁰, остаётся неубедительным.

В XX в. к теме внутривосточного кризиса в ВКЛ обращались польские (Л. Колянковский, Х. Ловмянский) и литовские (Й. Матусас, Б. Дундулис) историки¹¹, но они либо воспроизводили и развивали выводы своих предшественников, либо отмечали их противоречивость, не предлагая взамен ничего нового.

Интерес к истории ВКЛ XIV–XV вв. усилился в последние два десятилетия. Наиболее существенные результаты для темы данного

⁹ *Halecki O.* Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków, 1915; *idem.* O początkach parlamentaryzmu litewskiego // Sprawozdania z czynności i posiedzeń Akademii Umiejętności w Krakowie. T. 20. Nr 8. Sierpień – wrzesień – październik 1915; *idem.* Litwa, Ruś i Żmudz jako części składowe Wielkiego Księstwa Litewskiego // RAU. T. 59. Kraków, 1916; *idem.* Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materiały do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku // Archiwum Komisji Historycznej. T. 12. Cz. 1. Kraków, 1919.

¹⁰ *Halecki O.* Dzieje unii Jagiellońskiej. T. 1. W wiekach średnich. Kraków, 1919.

¹¹ *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1 (1377–1499). Warszawa, 1930; *Matusas J.* Švitrigaila Lietuvos didysis kunigaikštis. 2-as leid. Vilnius, 1991 (1-е изд. – 1938 г.); *Łowmiański H.* Polityka Jagiellonów. Poznań, 2006; *Dundulis B.* Lietuvos kova dėl valstybinio savarankiškumo XV amž. Vilnius, 1968.

исследования он принёс в исторической науке Польши и Литвы. Тема событий 30–40-х гг. XV в. возникает не только в рамках традиционной «событийной» истории, но в связи с историей структур общества и государства. Необходимо отметить исследования Я. Тенговского о генеалогии литовских князей (прежде всего Гедиминовичей), Л. Корчак – о структурах и системе власти в ВКЛ XV в.¹² Правящей элите ВКЛ (прежде всего верхушке литовского боярства), институтам власти этого государства и его взаимоотношениям с Польшей и Тевтонским орденом посвятил всесторонние исследования Р. Петраускас¹³. В свете этих исследований становится ясно, что политические институты и писаное право занимало в жизни ВКЛ более скромное место, чем принято было думать, что литовское боярство было активным, полноправным субъектом политической жизни, а не только её объектом, что позволяет по-новому взглянуть и на русскую знать ВКЛ. Всё это заставляет отойти от прямолинейных социологических и геополитических схем при рассмотрении конфликтов 30–40-х гг. XV в. и подойти к ним более дифференцированно.

На этом фоне очевидным пробелом выглядит отсутствие специальных исследований внутривосточного кризиса в ВКЛ, который нередко занимает ключевое место в построениях названных историков. «Событийной» истории 30–40-х гг. XV в. посвящён целый ряд оригинальных работ познаньского историка Я. Никодема¹⁴, в которых сделано множество интересных

¹² Основные работы: *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. (Biblioteka genealogiczna. T. 2.) Poznań; Wrocław, 1999; *Korczak L.* Litewska rada wielkoksiążęca w XV wieku. (RAU. Ogólnego zbioru t. 88.) Kraków, 1998; *eadem.* Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellońskim. Kraków, 2008.

¹³ Основная работа: *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis – struktūra – valdžia. Vilnius, 2003. См. также разделы, написанные этим историком, в кн.: Lietuvos istorija. T. 4. Nauji horizontai: dinastija, visuomenė, valstybė. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė 1386–1529 m. Vilnius, 2009.

¹⁴ *Nikodem J.* Uwagi o genezie niedoszłego przymierza Zygmunta Kiejstutowicza z Albrechtem II // Docendo discimus. Studia historyczne ofiarowane Profesorowi Z. Wielgoszowi w 70. rocznicę urodzin. Poznań, 2000; *idem.* Stosunki Świdrygiełły z Zakonem Krzyżackim w latach 1430–1432 // Białoruskie Zeszyty Historyczne (далее – BZH). T. 14. Białystok, 2000; *idem.* Przyczyny zamordowania Zygmunta Kiejstutowicza // BZH. 2002. T. 17; *idem.* Wyniesienie Świdrygiełły na Wielkie Księstwo Litewskie // BZH. T. 19. 2003; *idem.* Polska i Litwa wobec husyckich Czech w latach 1420–1433. Poznań, 2004; *idem.* Świdrygiełło wobec prawosławia i unii kościelnej // Ingenio et humilitate. Studia z dziejów zakonu cystersów i Kościoła na ziemiach polskich dedykowane Ojcu Opatowi dr. E.G. Kocikowi OCist. Poznań; Katowice; Wąchock, 2007.

наблюдений и выводов по ключевым проблемам данного периода. Их значение ещё и в том, что они показывают узость источниковой базы и сложности работы историка с ней. Рассмотреть внутривосточный кризис в ВКЛ в целом попытался недавно белорусский историк А. В. Любый¹⁵, однако ему не удалось осуществить комплексный и всесторонний анализ ситуации. В обобщающих же трудах по истории ВКЛ или отдельных его регионов тиражируются те или иные схемы старой историографии¹⁶. Таким образом, состояние историографии диктует необходимость специального исследования внутривосточного кризиса в ВКЛ.

Источниковая база диссертации складывается из источников нескольких категорий. *Нарративные источники* представлены прежде всего летописными памятниками местного (ВКЛ) и неместного (Новгород, Псков, Тверь) происхождения, а также «Анналами или Хрониками славного Польского королевства» историка XV в. Яна Длугоша. Наибольшее значение имеют летописные произведения, современные событиям 30–40-х гг., созданные на территории ВКЛ (т. н. «Смоленская хроника» и примыкающие к ней погодные записи, составленные человеком из окружения митрополита всея Руси Герасима и дошедшие до нас в составе первого белорусско-литовского свода) и соседних русских земель (Новгородская I летопись младшего извода, летописи т. н. Новгородско-Софийской группы, Псковские I, II и III летописи, Тверской сборник). Более осторожно следует подходить к оригинальным известиям, сохранившимся в «Анналах или Хрониках славного Польского королевства» Яна Длугоша (вторая половина XV в.) и третьем белорусско-литовском своде, известном в историографии как «Хроника Быховца» (20-е гг. XVI в.). Они создавались в окружении активных участников политической борьбы своего времени (соответственно краковского епископа Збигнева Олесницкого и виленского воеводы и канцлера ВКЛ А. М. Гаштольда), объектом которой было

¹⁵ Любы А. Ул. Унутрыпалітычная барацьба ў Вялікім княстве Літоўскім у 30–40-ыя гг. XV ст.: Дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2006.

¹⁶ См., например: Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времён до 1569 года. Т. 1. М., 2005; Błaszczuk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich. Т. 2: Od Krewa do Lublina. Cz. 1. Poznań, 2007.

не только настоящее, но и прошлое. К тому же авторы этих произведений не всегда были хорошо осведомлены о предмете своего повествования. Общая черта нарративных источников заключается в том, их авторы, как правило, описывали события *post factum*, смотрели на них через призму своих представлений.

Вторую большую группу образуют *эпистолярные источники*. Они, в отличие от нарративных источников, писались по горячим следам событий, их авторами часто были внешние наблюдатели, ставившие перед собой практическую цель – сообщить информацию, которая была необходима для принятия важных решений и которой в условиях средневековой коммуникации постоянно не хватало. Самая большая группа эпистолярных источников сохранилась в архиве великого магистра Тевтонского ордена, который по месту его хранения в 1722–1944 гг. называется Кёнигсбергским архивом¹⁷. Тевтонский орден был ближайшим соседом Литвы, отношения с ним в разные периоды варьировали от войны до оборонительно-наступательного союза: в 1431–1435 гг. Орден был союзником Свидригайла. В прусском и ливонском отделениях Ордена внимательно следили за событиями в ВКЛ: сбор информации вёлся как по официальным каналам (дипломатические посольства), так и через купцов, приезжавших из Литвы, специально отправляемых туда информаторов и приграничные власти Ордена. Благодаря этим факторам и хорошей сохранности архива великого магистра можно проследить ход событий в ВКЛ по месяцам, неделям и даже дням. С другой стороны, нужно учитывать, что орденская переписка освещает события в ВКЛ очень неравномерно: основной объект её внимания – придворная жизнь, взаимоотношения Литовского государства с соседями, приграничные регионы (Жемайтия). Значительно меньше этот комплекс источников сообщает о русских землях ВКЛ и позиции политически активных слоёв населения этих

¹⁷ В настоящее время хранится в Берлине в Секретном государственном архиве Фонда «Прусское культурное наследие»: Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung (Königsberger Archiv) (далее – GStAPK).

земель. При работе с этим комплексом источников следует также учитывать, что в Средние века информация часто распространялась в форме слухов, а потому могла подвергаться самым причудливым искажениям.

Материалы орденской переписки стали вводиться в научный оборот в начале XIX в., однако этот процесс по сей день далёк от завершения. Так, до сих пор нет научной публикации большей части источников этого рода по истории ВКЛ и его соседей за 1430 – первую половину 1440-х гг., хотя отдельные письма издавались как в больших тематических сборниках, посвящённых отдельным регионам (Ливонии, Польше и др.) и институциям (представительство Тевтонского ордена при Римской курии), так и в работах по частным вопросам. При подготовке данной работы этот пробел в историографии удалось восполнить за счёт изучения неопубликованных (в том числе впервые вводимых в научный оборот) материалов Кёнигсбергского архива – дипломатической переписки и некоторых связанных с ней документов¹⁸. Значительная часть этих материалов впервые используется для изучения внутривосточного кризиса в ВКЛ в XV в.

Значительно хуже, в виде отдельных документов, сохранилась переписка литовских князей, их соседей и подданных, не связанная с орденским направлением внешней политики их государств. Письма Свидригайла, Сигизмунда Кейстуовича, их сторонников, участников военных действий на пограничье Польши и ВКЛ в волинско-подольском регионе позволяют увидеть отдельные моменты гражданской войны «крупным планом».

Ещё одну большую категорию источников составляют *акты*. К этой группе относятся внешнеполитические договоры и документы государственной власти о пожаловании или подтверждении сословных привилегий и прав собственности, акты князей и бояр ВКЛ об отчуждении и разделе владений. В ситуации военных конфликтов имела распространение ещё одна разновидность

¹⁸ GStAPK. Используются материалы собраний *Ordensbriefarchiv* (ОБА) и *Ordensfolianten* (ОФ).

актовых источников – т. н. поручные и присяжные грамоты. Общая черта актовых источников состоит в том, что они описывают некое идеальное положение, предусмотренное в будущем (обязательства договаривающихся сторон, объём прав и привилегий и т. п.). Следует учитывать, что государственная власть располагала довольно ограниченными средствами реализации этих положений. К тому же в ВКЛ XV в. мало кто умел читать и писать, культура письменного делопроизводства лишь формировалась. Наконец, анализ любого акта невозможен вне его исторического контекста.

Лучше всего сохранились документы внешней политики ВКЛ – прежде всего договоры великих князей литовских с Польшей, Тевтонским орденом и его отделением в Ливонии, Молдавией, Новгородом, Псковом и Ригой. В работе использованы и проезжие грамоты, которыми правитель гарантировал свободу и безопасность следования по подвластной ему территории. Сложнее обстоит дело с сословными привилегиями (привилеями), которые великие князья литовские с конца XIV в. выдавали общественным группам отдельных регионов, а впоследствии и всего государства. Проблема заключается в том, что региональные привилеи конца XIV – середины XV в., за исключением Новгородского, до нас не дошли, их содержание приходится реконструировать на основе позднейших подтверждений и дефектных списков, поэтому результат такой реконструкции всегда более или менее гипотетичен. Что же касается ещё одной важной категории актов, фиксирующих пожалование или подтверждение определённой собственности (имений, зависимых крестьян, даней), то от 30-х и начала 40-х гг. XV века до нас дошло не так уж много источников такого рода *in extenso*. Поэтому зачастую неясно, насколько типична та или иная ситуация, описанная в сохранившихся документах этого характера. Большое значение имеет т. н. «Книга данин Казимира» – собрание регестов документов, выданных от имени великого князя Казимира Ягеллончика в 1440–1476 гг., которое позволяет проследить политику литовского центра по отношению к регионам ВКЛ в этот период. Очень важной частью многих документов,

созданных в ВКЛ в XV в., является список их свидетелей, которые гарантировали выполнение их условий лицом, выдавшим документ (монархом, вельможей).

Данный обзор позволяет заключить, что внутривосточный кризис в ВКЛ 30-х гг. XV в. освещён источниками в достаточной степени для того, чтобы решить задачи, поставленные выше. Привлечение новых источников позволяет по-новому взглянуть на ряд сюжетов и проблем, а также воссоздать целостную картину событий.

Основой **методики исследования** является *принцип историзма*, конкретным выражением которого в данном случае является *историко-антропологический подход*. Действия людей, отразившиеся в источниках, являются результатом их волевых актов, т. е. при их совершении они преследовали те или иные цели и руководствовались определёнными мотивами. Чтобы понять их, необходимо учитывать систему представлений и ценностей, ментальные особенности людей позднего Средневековья, которые не идентичны соответствующим характеристикам людей Нового времени и часто не совпадали даже у представителей разных групп средневекового социума. Среди прочих общенаучных методов познания *индукции* отдаётся предпочтение перед дедукцией: последнюю, как и метод аналогии, корректно применять лишь в тех случаях, когда выводы, полученные этими путями, можно проконтролировать при помощи независимых частных данных. Важнейшими общеисторическими методами данного исследования являются *историко-генеалогический* и *историко-системный*. Большую роль в данной диссертации играют традиционные методы изучения средневекового общества: *генеалогический, просопографический, географический, терминологический*.

Научная новизна исследования. Внутривосточный кризис в ВКЛ исследован в данной работе с учётом достижений медиевистики XX – начала XXI в. В специальном исследовании впервые объединены предыстория этого

кризиса, гражданская война 1432–1438 гг. и события начала 40-х гг.; изучение этих этапов истории ВКЛ впервые осуществляется на базе практически всего круга известных опубликованных и неопубликованных источников, в том числе выявленных автором.

Научно-практическая значимость работы. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в работах о Великом княжестве Литовском и его соседях в XIV–XV вв., при подготовке учебных пособий, лекционных и специальных курсов по истории стран Восточной Европы указанного периода.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации изложены в статьях (общим объёмом 3,15 п. л.), в докладе на семинаре «Средневековая Русь» при кафедре истории России до начала XIX века Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (20 сентября 2010 г.), а также в выступлениях на международных научных конференциях: «Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV ст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі (да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы)» (Гродно, 8–9 июля 2010 г.), «Polsko-białoruskie związki kulturowe, literackie i językowe» (Люблин, 14–16 октября 2010 г.), «Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде / Танненберге)» (Санкт-Петербург, 22–24 октября 2010 г.). Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России до начала XIX века Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

2. Основное содержание работы

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников, библиографии и приложения (карта «Великое княжество Литовское в середине XIII в. – 1430 г.»). Во **введении** раскрывается научное значение темы, определяются цель и задачи исследования, обосновываются хронологические рамки работы, даётся общая характеристика источников и литературы по теме исследования, обозначаются применяемые методы и подходы.

В **первой главе**, состоящей из шести параграфов, исследуется предыстория гражданской войны в ВКЛ. В *первом параграфе* даётся общая характеристика внутри- и внешнеполитического положения ВКЛ в конце XIV – первой трети XV в. (до 1430 г.). Обычно внимание историков концентрируется на том факте, что основную часть правящей элиты ВКЛ при Витовте составляла верхушка литовского боярства: её представители занимали высшие должности в центральном и местном управлении, получали от великого князя богатые земельные пожалования, государь советовался с ними по важнейшим вопросам и поручал им дипломатические миссии. Однако необходимо иметь в виду слабую развитость органов власти, институционализация которых при Витовте только началась. Правящая элита могла утвердить свою власть над периферийными регионами страны лишь путём консенсуса с локальными элитами в той или иной форме. Поэтому здесь соотношение сил было в пользу местной княжеско-боярской верхушки и отчасти горожан («местичей», «мещан»). Ещё одно важное наблюдение касается внешней политики Витовта. В правовом отношении к концу 20-х гг. XV в. сохранялась уния с Польшей, в которой статус ВКЛ был более низким, чем у Польского королевства. Но на деле многое определялось личными взаимоотношениями Витовта с королём Владиславом II Ягайлом. Вся история борьбы Витовта за получение

королевской короны в 1429–1430 гг. («коронационной бури») показывает, что в его планы, поддержанные его окружением, не входил разрыв союза с Польшей.

Второй параграф посвящён развитию событий сразу после смерти Витовта, – приходу к власти великого князя Свидригайла Ольгердовича. Анализ прямых свидетельств источников и контекста этого события заставляет поддержать точку зрения (А. Левицкий, Я. Никодем), согласно которой Свидригайло стал великим князем при поддержке знати ВКЛ, но без санкции польского короля Владислава II Ягайла, к которому согласно букве польско-литовских соглашений и предсмертной воле Витовта переходило право распоряжения ВКЛ. В реальности Ягайло был поставлен перед свершившимся фактом и был вынужден признать его, однако решение вопроса о правовом отношении ВКЛ к Польше было отложено до специального съезда их монархов. Вместе с тем анализ источников не позволяет утверждать, как это иногда делается (М. К. Любавский), будто главной группой, осуществившей «избрание» Свидригайла на литовский престол, были русские князья и бояре. Скорее ведущая роль принадлежала традиционной правящей элите ВКЛ, в первую очередь верхушке литовского боярства.

В *третьем параграфе* рассматриваются мероприятия Свидригайла в конце 1430 – первой половине 1431 г. Этот период ознаменовался эскалацией конфликта с Польшей: к государственно-правовому аспекту добавился территориальный – спор о принадлежности Подолья. Если восточная часть этой земли с центром в Брацлаве принадлежала ВКЛ с конца XIV в., то Западное Подолье с центром в Каменце Ягайло передал Витовту в пожизненное владение в 1411 г. Узнав о смерти Витовта, местные пропольски настроенные паны захватили замки Западного Подолья и передали эту территорию под власть Польши. В дальнейшем обе стороны конфликта проявили неуступчивость: Свидригайло безуспешно настаивал на передаче Западного Подолья ВКЛ, польские правящие круги отказывались это сделать. Уже в первой половине 1431 г. они заявили претензии не только на Западное, но и на Восточное

Подолье, а также на соседнюю Луцкую землю. Тогда же Свидригайло продолжил сближение с Тевтонским орденом, начатое Витовтом в 1429–1430 гг. Оно увенчалось заключением наступательно-оборонительного союза в Христмемеле 19 июня 1431 г. В тот же период были оформлены союзные отношения с молдавским воеводой Александром Добрым и татарским ханом Улуг-Мухаммедом.

Четвёртый параграф посвящён вооружённому конфликту между ВКЛ и Польшей на Волыни летом 1431 г., который в историографии получил название Луцкой войны. В ходе этого конфликта польские правящие круги попытались удовлетворить свои территориальные претензии силовым путём. Руководство ВКЛ оказалось не готово к этому варианту развития событий, крупномасштабная военная акция застала его врасплох, поэтому полякам удалось существенно продвинуться в глубь Луцкой земли. Препятствием на их пути стал хорошо укреплённый и умело обороняемый Луцкий замок. С другой стороны, польские политики совершили ошибку, выбрав тактику военного захвата с опорой на немногочисленную польскую шляхту, владевшей имениями на Волыни. Попытки соглашения с местным населением, по всей видимости, сводились к воссозданию Владимирского княжества под властью Фёдора Любартовича, которому оно принадлежало в конце XIV в. Однако есть основания полагать, что эти планы изначально были обречены на неудачу, а смерть этого князя перечеркнула их окончательно. Чарторыйское перемирие между Польшей, ВКЛ и их союзниками, заключённое в начале сентября, зафиксировало status quo на Подолье и Волыни.

В *пятом параграфе* рассматривается политика Свидригайла от заключения Чарторыйского перемирия в начале сентября 1431 г. до его свержения с престола в ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 г. В этот период продолжилось сближение ВКЛ с Тевтонским орденом: по настоянию великого магистра Пауля фон Русдорфа на встрече правителей в мае 1432 г. был подтверждён союзный договор, союзники обменялись постоянными

представителями, орденские сановники стали участвовать в приёме посольств Свидригайлом. Происходило сближение ВКЛ и с другими соседями (Новгород, Псков, Мазовия). Попытки Польши урегулировать отношения с ВКЛ, неоднократно предпринимавшиеся за это время, не увенчались успехом, поскольку Свидригайло по-прежнему проявлял неуступчивость: отказывался разорвать союз с Тевтонским орденом, настаивал на участии его представителей в польско-литовских переговорах для заключения «вечного мира», назначенных на 2 февраля 1432 г., а в мае того же года отверг предложение польской стороны владеть ВКЛ на тех же условиях, что и Витовт. Это заставляло польские правящие круги искать иной путь решения литовской проблемы. В итоге выбор был сделан в пользу соглашения с политической элитой ВКЛ. Анализ личного состава окружения Свидригайла в этот период не подтверждает мысли, распространённой в историографии, о его заметном пополнении русскими боярами.

Шестой параграф посвящён причинам свержения Свидригайла с престола в Ошмянах в ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 г. Источники не подтверждают мысли, распространённой в историографии, будто причиной переворота стало недовольство традиционной правящей элиты возвышением русской знати, которое угрожало её положению. Как показал анализ личного состава окружения Свидригайла, проведённый в предыдущих главах, «новых людей» в окружении этого господаря было очень мало, положению наиболее влиятельных членов его окружения это не угрожало. Больше оснований видеть причины переворота в отношениях Свидригайла с Польшей: несмотря на заключение перемирия, на польско-литовском и польско-орденском пограничье не прекращались мелкие стычки, каждая из которых могла положить начало новой большой войне, а отношения ВКЛ с Польшей оставались неурегулированными.

Вторая глава посвящена гражданской войне в ВКЛ 1432–1438 гг. и состоит из шести параграфов. В *первом параграфе* рассматриваются

последствия переворота 1432 г. – складывание территорий, подконтрольных князьям-соперникам Свидригайлу и Сигизмунду Кейстутовичу (по выражению смоленского летописца, «великого княжения на Вилни и на Троцех» и «великого княжения Русского»), и механизм этого процесса. Заговорщики рассчитывали на то, что они смогут быстро заменить на литовском престоле Свидригайла на Сигизмунда Кейстутовича, а русские земли ВКЛ признают эту смену. Неудачу этого плана предредило бегство Свидригайла в Полоцк. Дальнейшая его поддержка русскими землями ВКЛ объясняется не «прорусской политикой», которую он будто бы проводил ранее, как обычно утверждается в литературе, а тем, что для местного населения он, как и прежде, оставался легитимным правителем. Благодаря этому Свидригайло смог собрать с этих земель войско и выступить в поход на отвоевание Литвы, в то время как Сигизмунду при поддержке его сторонников, традиционных членов правящей элиты ВКЛ, удалось установить власть лишь над историческим центром государства («Литовской землёй») и отчасти прилегающими землями.

Второй параграф посвящён развитию событий в лагерях Свидригайла и Сигизмунда Кейстутовича в конце 1432 г. В то время как в планы Свидригайла входило отвоевание Литвы силами общества русских земель и его союзников, задачи Сигизмунда состояли в том, чтобы урегулировать отношения с соседями (Польшей и Тевтонским орденом) и удержать за собой исторический центр государства. В результате 15 октября 1432 г. была возобновлена уния ВКЛ с Польшей, а 8 декабря 1432 г. Свидригайло потерпел поражение в Ошмянской битве, хотя его сторону в начавшемся конфликте занял Орден. Ход кампании 1432 г. показал, что Сигизмунду следовало позаботиться об укреплении своих позиций на номинально подконтрольной ему территории: об этом говорит заговор против Сигизмунда литовских бояр Волимонтовичей (вероятно, из-за недовольства его внешней политикой), позиция жемайтских бояр, неохотно участвовавших в защите Литвы, а также быстрое продвижение Свидригайла к

Вильне, во время которого местное население массово переходило на его сторону, а многие замки подчинялись ему добровольно.

Предмет рассмотрения *третьего параграфа* – военная кампания в ВКЛ 1433 г. Из-за польско-гуситского похода против Тевтонского ордена в Пруссию, состоявшегося летом этого года, Польша не могла оказать широкомасштабной помощи Сигизмунду Кейстутовичу, а прусское отделение Ордена – Свидригайлу (его главным союзником оставалось отделение Ордена в Лиовнии). Летом 1433 г. Свидригайлу с союзниками удалось дойти до Вильны и Трок, а с юга их поддержали волынско-подольские войска под командованием луцкого и подольского старост, князей Александра Носа и Фёдора Несвицкого, накануне заключившие сепаратное перемирие с сановниками Русского воеводства Польши. Однако взять главные замки страны Свидригайло не смог и вынужден был отступить. В отличие от кампании 1432 г., в 1433-м Сигизмунд сумел организовать ответный поход во владения своего соперника, но предпринятая осада Мстиславля ничего не дала. В целом ход боевых действий в 1433 г. вновь показал, что позиции Сигизмунда на той территории, которую он номинально контролировал, были недостаточно прочными.

В *четвёртом параграфе* рассмотрены события 1434 г. в ВКЛ. В этом году Сигизмунд Кейстутович принял целый ряд мер, призванных укрепить его внутри- и внешнеполитические позиции: была подтверждена уния с Польшей, достигнуто соглашение с князем Восточной Мазовии Болеславом IV, осуществлён целый ряд земельных пожалований. 6 мая был выдан привилей, расширивший права литовского боярства и распространивший их на русских князей и бояр с целью побудить их к переходу на сторону Сигизмунда. Выдаче привилея сопутствовали контакты с элитами ряда русских земель, на которые распространялась власть Свидригайла, при посредничестве митрополита всея Руси Герасима. В результате уже летом 1434 г. на сторону Сигизмунда Кейстутовича перешла Луцкая земля, то же самое попыталась сделать

Киевщина. Действия самого Свидригайла привели к тому, что тогда же под власть польского короля перешёл кн. Ф. Несвицкий вместе с подконтрольным ему Восточным (брацлавско-кремenezким) Подолем. Все эти обстоятельства поспособствовали срыву похода Свидригайла в Литву, планировавшегося летом 1434 г.

Пятый параграф посвящён кампании 1435 г. Её ключевым событием стала битва при Вилькомире 1 сентября, в которой войска Свидригайла и Ливонского ордена потерпели сокрушительное поражение. Отзвуком событий предыдущего года стало раскрытие «заговора митрополита Герасима», целью которого была передача Смоленской земли Сигизмунду Кейстутовичу и, возможно, лишение жизни самого Свидригайла. К заговору был причастен узкий круг членов элиты Смоленской земли, однако опирался он, по-видимому, на более широкое недовольство, которое дало о себе знать в сентябре 1435 г., когда Смоленская земля после поражения Свидригайла добровольно признала власть Сигизмунда.

В *шестом параграфе* рассмотрен заключительный этап гражданской войны в ВКЛ (1436–1438). После Вилькомирской битвы Свидригайло удалился на юг ВКЛ, вероятно, надеясь при помощи татар организовать новый поход на Литву. Однако этого ему сделать не удалось, он оказался отрезанным от своих северных земель, которые вскоре передались Сигизмунду. Расчёты Свидригайла на соглашение с Польшей в конечном итоге также не оправдались, поскольку его соглашение с феодалами Русского воеводства оказалось непремлемым для правящих кругов королевства. На некоторое время Свидригайлу удалось закрепиться в Луцкой и Киевской землях, но к концу 1438 или началу 1439 г. был вытеснен оттуда Сигизмундом, лишившись таким образом всех своих бывших владений.

В двух параграфах **третьей главы** рассматривается развитие событий в ВКЛ после окончания гражданской войны. Подчинение всех земель ВКЛ

власти Сигизмунда Кейстутовича ещё не означало конца внутривосточного кризиса. Это хорошо показывают события в конце правления этого князя, завершившегося его убийством 20 марта 1440 г. Им посвящён *первый параграф*. После битвы при Вилькомире усилия Сигизмунда были сосредоточены на завоевании земель Свидригайла. По-видимому, этим объясняются попытки Сигизмунда заключить союз с римским королём Альбрехтом II (1437–1439) и Тевтонским орденом: это должно было втянуть Польшу в борьбу за чешский престол и отвлечь от Луцкой земли, статус которой не был окончательно определён. В итоге, впрочем, польско-литовские взаимоотношения удалось урегулировать мирным путём. Далее рассматривается вопрос о причинах убийства Сигизмунда Кейстутовича. Как показывают последующие события, эта акция была результатом заговора узкого круга вельмож, у которых отсутствовал продуманный план действий. Убийство Сигизмунда, в отличие от свержения Свидригайла в 1432 г., было достаточно спонтанным, не готовилось заранее и не было согласовано заговорщиками со всей правящей элитой ВКЛ. Его причиной не было ни стремление Сигизмунда «извести», физически уничтожить всю знать ВКЛ, приписанное ему литературной традицией, ни оппозиция какой-то части правящей элиты его плану союза с Альбрехтом II, как иногда утверждается в научной литературе. Скорее речь шла о планах каких-то репрессивных действий против части знати, о которых сложно сказать что-либо более конкретное из-за недостатка источников.

Ситуация в ВКЛ в начале 40-х гг. XV в. (примерно до 1443 г.) стала предметом рассмотрения во *втором параграфе*. После гибели Сигизмунда Кейстутовича в правящей элите ВКЛ сложилось несколько группировок, наиболее успешной из которых была та, что провозгласила великим князем Казимира Ягеллончика, присланного из Польши в качестве наместника короля Владислава III. Ситуация осложнялась наличием у Казимира соперников (Михаила Сигизмундовича, Свидригайла) и ослаблением позиций центральной

власти в целом ряде земель ВКЛ (Смоленской, Жемайтйской, Волынской), доходившим вплоть до вооружённых столкновений между центром и этими землями. Ситуацию удалось стабилизировать примерно к 1443 г. не только за счёт применения военной силы, но и путём уступок разным регионам и слоям населения – раздачи земель, даней и зависимых людей, выдачи привилегий одним землям (Новогрудской, Смоленской, Жемайтйской) и учреждения удельных княжеств в других (Мстиславской, Киевской и Луцкой).

В **заключении** подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы. Источники не подтверждают мысли, утвердившейся в историографии, будто активность общества русских земель в конфликте 30-х гг. XV в. было вызвано стремлением князей и бояр этих земель участвовать в решении общегосударственных вопросов. Не подтверждает этого и анализ событий начала 40-х гг., а также данные о развитии «протопарламентских» институтов (рады и сейма) и личном составе окружения великих князей литовских в XV в. Вплоть до конца века принципы представительства на сеймах не были сформулированы, их состав был в значительной степени случайным, а степень интеграции русских боярских родов в правящую элиту ВКЛ оставалась очень низкой. Интересы той или иной локальной элиты, которая определяла позицию местного общества в более широком смысле слова, были связаны прежде всего с «её» регионом. Она стремилась в первую очередь получить новые владения (земли, дани, зависимых людей) или закрепить за собой и расширить традиционные права – например, добиться исключительного права для себя держать волости в «своей» земле или более широких прав собственности на недвижимое имущество. Значительную роль в событиях внутривосточного кризиса в ВКЛ играли также личные связи князей и бояр друг с другом, с тем или иным «великим князем». Это объясняет, почему с поражением Свидригайла как претендента на литовский престол в конце 1430-х гг. группировка его сторонников распалась, а в начале правления

Казимира отдельные земли – Смоленская, Киевская, Луцкая, Жемайтия – не пытались объединить свои усилия в выступлениях против центральной власти.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях
(полужирным шрифтом выделены издания, включённые в перечень ВАК):

1. *Полехов С. В.* К вопросу о причинах государственного переворота в Великом княжестве Литовском в 1432 г. // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. Научный сборник. Вып. 1. Минск, 2008. С. 34–55. (1 п. л.)
2. *Полехов С. В.* **Государственный переворот 1432 г. в Великом княжестве Литовском // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2010. № 1. С. 35–48. (0,7 п. л.)**
3. *Полехов С. В.* Общество Великого княжества Литовского и гражданская война 30-х годов XV века // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде / Танненберге). Материалы международной научной конференции, 22–24 октября 2010 г. СПб., 2010. С. 248–252. (0,25 п. л.)
4. *Полехов С. В.* **Несколько замечаний к биографии князя Юрия Лугвеневича Мстиславского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44). С. 105–112. (0,7 п. л.)**
5. *Полехов С. В.* **«Русины опять провозгласили его своим господином». Князь Свидригайло – оппозиционер номер один в Великом княжестве Литовском // Родина. Российский исторический журнал. 2011. № 10. С. 82–84. (0,5 п. л.)**